

Р.И. Беккин,

доктор экономических наук, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой востоковедения
и исламоведения Казанского федерального университета (г. Казань, Россия)
E-mail: bekkin@mail.ru

Турецкий табак под развесистой шалью

[Рецензия на книгу: Шерих Д.Ю. Турецкий Петербург:
Из истории российско-турецких отношений.
М.: Центрполиграф, 2012. 254 с.]

Аннотация: Автор рецензируемой книги – известный петербургский журналист Дмитрий Шерих, автор многих публикаций, посвященных истории Петербурга. Книга «Турецкий Петербург», по задумке Шериха, призвана рассказать о российско-турецких отношениях на примере отдельно взятого города.

Ключевые слова: Турецкий Петербург, Турция, российско-турецкие отношения, Турецкое кладбище.

«Но при чем же тут турецкий Петербург?» – может спросить читатель.
(Д. Шерих. «Турецкий Петербург»)
«...турецкого табаку пришлю такого, что ты до блевоты закуришься...»
(Из письма Н.И. Гнедича К.Н. Батюшкову)

О мусульманском Востоке в современной России принято писать либо плохо, либо ничего. Счастливое, но немногочисленное исключение составляет академическая литература, но ее читают единицы. Тем более важно, когда из-под пера не ученого, а известного журналиста выходит книга, посвященная такой деликатной теме, как российско-турецкие отношения. Деликатной – потому что, несмотря на обилие информации из Интернета и других источников, нынешние знания среднестатистического россиянина о Турции мало чем отличаются от представлений об Османской империи значительной части российского общества в начале XIX столетия. Те же ориенталистские мифические образы, разница, пожалуй, лишь в том, что грозных

янычар сменили турецкие ловеласы на пляжах Анталии и Алании, а чудовищно дорогие турецкие шали — дешевый турецкий трикотаж.

Писать о российско-турецких отношениях сложно еще и потому, что издавна это государство было одним из самых серьезных военных противников России, доставлявшим ей немало хлопот на суше и на море. Как отмечает сам Д. Шерих в предисловии к своей книге, в период с 1676 г. — начала первой Русско-турецкой войны — до 1918 г. — окончания Первой мировой — Россия и Порты беспрерывно воевали в общей сложности 45 лет.

Но, заикнувшись о войнах, автор сразу же оговаривается, что хорошего в российско-турецких отношениях было все-таки больше, чем плохого: **«Но только ли войны? В истории русско-турецких отношений сражения не преобладали, о чем напоминает и соотношение мирных/военных лет. Разве можно не вспомнить про турецких дипломатов, навещавших столицу России с завидной регулярностью?.. А разве можно не вспомнить про «моду на все турецкое», которая в разные периоды истории захватывала петербургское и российское общество без остатка? Турецкая шаль Натальи Николаевны Пушкиной, турецкие диваны Екатерины II и Василия Андреевича Жуковского, турецкий табак и турецкие халаты: примеров тому достаточно...»** (С. 6).

Пробежав глазами эти строки, я поначалу решил, что сын пленной турчанки Сальхи В.А. Жуковский неосмотрительно помещен автором среди артефактов турецкого Петербурга между диванами и табаком, но, вчитавшись, понял, что ошибся. Впрочем, так ли уж ошибся... Ознакомившись поближе с содержанием книги я понял, что был не далек от истины. Ориенталистский мотив в предисловии к книге на поверку оказался не приманкой для читателя, призванной заставить его обратиться к чтению, а наполнением всего «Турецкого Петербурга».

Создается впечатление, что автор поставил себе задачей свалить в одну корзину все, что, по его мнению, имеет отношение к Турции. Подобный подход, с одной стороны, вызывает сочувствие: не владеющий турецким и староосманскими языками, автор попытался привлечь все, что оказалось ему доступно: с миру по нитке. Но сделал он это безо всякого разбора, словно второпях — в результате в одной куче оказались турецкая шаль жены Пушкина, турецкие бани в загородных императорских резиденциях, и даже... сфинксы с Университетской набережной.

Сфинксы эти были приобретены русским путешественником А.Н. Муравьевым, посетившим Стамбул, а затем святые места в Египте по окончании Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. На сфинксов положили глаз французы, поэтому Муравьев обратился к российскому посланнику в Стамбуле для того, чтобы тот немедленно связался с Петербургом и содействовал скорейшему приобретению древностей. Французы, в чьих руках оказались сфинксы, вынуждены были уступить их России, поскольку в это время во Франции началась революция. Казалось бы, при чем здесь турецкий Петербург? Автор дает на это незамысловатый ответ: **«В общем, не окажись Муравьев в Османской империи — не было бы и в Северной столице России этих сфинксов»** (С. 119). Что ж, в железной логике Шериху не откажешь.

Но этого скромного «открытия» в османистике автору, по-видимому, показалось мало. И к Жуковскому, покуривавшему турецкий табак на турецком диване, добавляется в придачу... соборная мечеть, которую Шерих называет «одной из несомненных достопримечательностей турецкого Петербурга» (С. 192). Не нужно быть ни специалистом по архитектуре, ни исламоведом, чтобы отличить османский стиль мечетей от самаркандского эпохи Тимура. Тогда при чем здесь турецкий Петербург?!

Быть может, к строительству мечети имели непосредственное отношение турки?.. Нет, стоп! Турецкие строители — это немножко другая эпоха. Или османы финансировали этот грандиозный проект?.. Нет, главным спонсором строительства мечети выступил эмир Бухарский. В таком случае петербургская соборная мечеть скорее может быть названа объектом узбекского Петербурга, но никак не турецкого.

Выскажем предположение: быть может, для автора все турецкое неразрывно связано с исламом? Но возникает логичный вопрос: почему во всей остальной книге об исламе не говорится ровным счетом ни слова? О том, что турки — мусульмане, можно лишь отдаленно догадаться по некоторым фразам из книги — в основном когда речь идет о крещении пленных, в том числе и несовершеннолетних.

Между тем более чем уместно было бы привести слова из донесения третьего секретаря турецкого посольства в Петербурге, посетившего молитвенное собрание петербургских мусульман в здании Городской думы в 1890 г., то есть еще до того, как была открыта соборная мечеть. Благо, текст этого донесения переведен на русский и, следовательно, мог быть доступен автору. Позволю себе привести здесь, ввиду важности, крупный фрагмент из этого документа: *«Поднявшись по длинной лестнице и натолкнувшись на большое число нищих мужчин и одетых не по требованиям ислама женщин — мусульман и мусульманок, я вошел в зал, где будет совершаться намаз. Воистину, первое впечатление стало ошеломляющим. Со стороны киблы в зале [находились] большие завешенные портреты, а также еще весьма большие портреты справа — не завешенный [портрет правящего] императора, сзади — покойных императоров Александра II, Николая и императриц, [причем] на головах упомянутых лиц [были изображены] кресты. Несуразным было и то, что слева виднелось именуемое по-французски «шапель» собрание изображений Иисуса, Марии и других, кому молятся христиане, с горящей лампадой. Вид около семи-восьми сотен мусульман, выстроившихся там рядами, мог бы удивить каждого. У большинства из них на голове была тюбетейка, а рядом — шляпа; у некоторых из них отсутствовали борода и усы, у некоторых были сбриты только усы, у некоторых были раздвоенные бороды — словом, наблюдаемый нами у европейцев, неуместный [для мусульман] внешний вид. Таким же удивительным было зрелище более чем двухсот человек в шляпах, стоявших в одной стороне мечети, то есть зала. Увидев, что входит некто в османской*

феске и сюртуке, люди стали расспрашивать обо мне у моего слуги, причем на их лицах мелькало выражение неуместного веселья»¹.

Согласимся, высказывания секретаря посольства местами выглядят не вполне политкорректными, но главное, что его слова рисуют яркую, четкую картину. Мы видим жителей Петербурга глазами турецкого дипломата и самого турецкого дипломата глазами петербуржцев, причем его же единоверцев — проживавших в столице мусульман, у которых головной убор секретаря посольства вызвал смех.

Но если отсутствие в книге высказываний турок о россиянах можно объяснить недоступностью автору части источников, то крайне затруднительно понять, почему в «Турецком Петербурге» не представлено восприятие Турции россиянами, и петербуржцами в частности. Благо источников на эту тему на порядок больше. В книге можно найти описание официальных церемоний с участием турецких дипломатов, но все это, по большому счету, не дает никакой информации о том, какие представления о Турции господствовали в российском обществе того времени.

Из всех высказываний одного из самых блестящих российских дипломатов и государственных деятелей Никиты Панина о турках в «Турецком Петербурге» приводятся лишь следующие его слова, зафиксированные в дневнике воспитателя цесаревича Павла Петровича С.А. Порошина: «Его Превосходительство Никита Иванович сказывать изволил в невразумительных Его Высочеству словах, что как в бытность его в Швеции некогда за столом зашла речь, как Турки мужественны в полях цитерских (то есть в любви. — Д. Ш.), то одна бывшая тут графиня, не покрасневши ни мало молвила: “на Турков слава только, а я знаю и Русских, против которых негде в этом Туркам тягаться”...» (С. 53). Еще один миф о турках, бережно обсасываемый автором, — на этот раз с привкусом клубнички!

За ориенталистскими фетишами, в изобилии разбросанными на страницах книги, практически не видно живых людей, их судеб. Немногочисленные отступления (биографии персон, имеющих, по мнению автора, отношение к теме турецкого Петербурга) скорее подтверждают правило. Выбор некоторых имен вызывает вопросы. Так, к примеру, автор упоминает Садри Максуди, мусульманского политического деятеля, депутата 2-й и 3-й Государственных дум. «Его биография после революции связана с Турцией и Стамбулом теснейше» (С. 205), — пишет Шерих. Действительно, Максуди сделал неплохую карьеру в кемалистской Турции, профессорствовал в Стамбульском университете, едва не угодил в президенты страны. Но какое, пардон, отношение Максуди имеет к турецкому Петербургу? Да, будучи депутатом Думы, он неоднократно бывал в столице империи. Но почему в таком случае в книге Шериха ничего не сказано о ‘Абд ар-Рашид Ибрагимове, мусульманском общественном и политическом деятеле, который жил в Петербурге и, по мнению некоторых историков, яв-

1 | Письмо-донесение третьего секретаря Османского посольства в Санкт-Петербурге Абдуррезака адъютанту султана Дервиш-паше о положении российских мусульман «Внешне Российское государство как будто не притесняет своих мусульманских подданных» (Татары-мусульмане глазами османских чиновников конца XIX в.) // Гысыллар авазы (Эхо веков). 2008. № 2 // http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2008_2/02/04/

лялся агентом турецкой разведки?.. Биография этого человека мира, как нам представляется, не менее, а может быть, даже более, интересна, чем биография Максуди, и, самое главное, имеет, несомненно, больше общего с темой турецкого Петербурга.

Тема русско-турецких отношений накануне Первой мировой войны представляет особый интерес. При этом важно, что здесь имеется большой объем литературы на русском языке. Чиновники МВД больше огня боялись панисламизма, источником которого считалась Турция. Дело в том, что до падения Османской империи турецкий султан формально являлся халифом для всех мусульман-суннитов. Поэтому российские власти боялись распространения влияния идей панисламизма на мусульманское население России в целом и Петербурга в частности. Но весь имеющийся в наличии массив информации, десятки, сотни бумаг, циркулировавших по ведомствам, многочисленные публикации как в консервативных, так и в либеральных изданиях, отражающие отношение к Турции российского общества накануне войны, остались вне поля зрения автора. Он лишь обиняками упоминает о торжественном обеде, данном консервативной газетой «Новое время» в честь бывшего великого везира Хилми-паши, посетившего Петербург в 1910 г. (С. 191).

А между тем надвигалась война, вызвавшая огромное число антитурецких публикаций, в том числе и в столичной прессе. Выходили даже целые романы, посвященные Османской империи. Почему бы не упомянуть здесь сочинения одиозного провокатора Хаджетлаше, писавшего обличительные статьи о панисламизме и литературные произведения «из быта» Османской империи?.. Но автор словно не замечает всего этого и продолжает толковать читателю о турецких шальях и табаке. Что это: попытка обойти острые углы?.. В чем же тогда ценность предлагаемой книги, если в ней отсутствует даже минимум необходимой информации? Не иначе как желанием видеть все в розовом цвете можно объяснить отсутствие даже упоминания о турецком кладбище в Петербурге.

Говоря о турецких военнопленных и других турках, по разным причинам оказавшихся в Петербурге, Шерих почему-то даже не задумывается о том, где они могли быть погребены. Автор упоминает о судьбе отдельных турок, которых крестили, но при этом ни слова не говорит о судьбе тех, кто не отказался от своей веры и оставался до конца своих дней в Северной столице. Некоторые из турецких военнопленных не дождалась освобождения и обрели покой в Петербурге.

По мусульманскому обычаю, тело покойника должно быть предано земле в день смерти до захода солнца. Известно, что место, где хоронили турецких военнопленных, располагалось в XVIII в. примерно там же, где сейчас находится татарский участок Ново-Волковского кладбища. Об этом известно из письма, с которым мусульмане столицы обратились на имя императора Павла I. Они просили разрешить им устроить мечеть и ходатайствовали о предоставлении участка под мусульманское кладбище там, где издавна хоронили пленных турок. До начала XIX века в Петербурге был известен топоним Турецкое кладбище.

Казалось бы, вот он: объект турецкого Петербурга, но читателю не стоит утруждать себя поиском хотя бы мимолетного упоминания о нем на страницах книги Шериха. Автору интересны другие сюжеты...

В подзаголовке книги «Турецкий Петербург» указано: «Из истории российско-турецких отношений». На деле же Д. Шерих оказывает российско-турецким отношениям медвежью услугу. Когда в основе межгосударственного сотрудничества — незнание, это порождает только дополнительные проблемы и недопонимание. Возможно, многих войн с турками России удалось бы избежать, если бы мы лучше знали Турцию и турок. «Турецкий Петербург» только усиливает это непонимание.

Остается уповать лишь на то, что заявленная в названии книги Шериха и не раскрытая им тема еще найдет своего исследователя. И когда с истории турецкого Петербурга спадет шаль, накинутая незадачливым ангажированным автором, и развеется напущенный им табачный дым, мы, возможно, сможем разглядеть нечто большее, чем набор мифов и сказок двухсотлетней свежести. А пока такого исследователя не появилось, «Турецкий Петербург» Дмитрия Шериха может служить блестящим примером того, как не надо писать подобного рода книги. Пожалуй, в этом единственная польза «Турецкого Петербурга» для читателей и писателей.

Turkish tobacco under fable shaw [D.Yu. Sherikh. Turkish Petersburg. From the History of Russian-Turkish Relations. M.: Centrpoligraph, 2012]

Abstract: The author of the reviewed book is well-known journalist Dmitry Sherih, the author of many publications on the history of St. Petersburg. His book “The Turkish Petersburg” aimed to tell the long story of the Russian-Turkish relations on the example of a single city (St. Petersburg).

Key words: Turkish Petersburg, Turkey, Russian-Turkish relations, Turkish cemetery.

Renat I. Bekkin — Doctor of Economic Sciences, Candidate of Legal Sciences, Chair of Oriental and Islamic Studies Department, Kazan Federal University (Kazan, Russia)

E-mail: bekkin@mail.ru